

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ ОЦЕНКА: ВСЕ ДЕЛО В ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

В настоящей статье рассматривается ряд дискуссионных вопросов оценочной семантики, учитывая специфику прямой и косвенной референции. За эмоциональностью закрепляется регулирующая функция дифференциации оценки в ее прямых и косвенных проявлениях, что открывает новые горизонты в изучении аксиологического познания.

Любая отдельная человеческая индивидуальность,
взятая в ее отношении к языку, –
это особая позиция в видении мира.

В. фон Гумбольдт

Когнитивные механизмы освоения действительности или когниция в широком смысле этого слова подвергаются системной обработке, укладываясь в базовые модели познания, среди которых ведущая роль традиционно отводится эпистемической и аксиологической направленности конструктивной интерпретационно-синтезирующей деятельности homo loquens с целью категоризации и концептуализации как арте-, так и ментефактов (термины в [Красных 2001, 2002]). Эпистемический подход смыкается с аксиологическим, поскольку, по меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, «благодаря Другому человек не только познает, но и оценивает себя. ... Другой получил новое пристанище. Он проник внутрь человека. Он стал соглядатаем, судьей, а иногда и исполнителем приговора. Сознание превратилось в совесть, самопознание – в суд над собой» [Арутюнова 1999:6]. В свете описанного двуэтапного познания действительности прослеживается комплексная разновекторная работа сознания, в результате которой, с одной стороны, происходит ментальное «схватывание» или фиксация объектов из сферы «Материальное» и «Идеальное» (см. в [Вежбицкая 1997]), т. е. действительность непосредственно воздействует на процессы переработки эмпирического материала, протекающие в так называемом «черном ящике». С другой стороны, аксиологически выверенный стереотип «расшифровки» информации, закрепленный в языковом сознании, воздействует на понимание и интерпретацию фактов бытия, т. е. язык катализирует процессы эпистемического и аксиологического познания и выступает в роли регулятора когниции. Восприятие арте- и ментефактов происходит от действительности к языку, от конкретного к абстрактному в процессе практической деятельности человека. Опытная обработка данных осуществляется по схеме «действительность – язык» vs. «язык – дей-

ствительность». При этом собственно языковая оценка, отделенная от действительности языковыми стереотипами сознания, кодируется на разных уровнях языка и имеет множество разноплановых инвариантов, конституирующих основу системной категоризации собственно концептуального присутствия оценочности в языке, которая закономерно предполагает иерархию ядерных и периферийных субкатегорий. Думается, что работу в данной области следует проводить в рамках относительно новых парадигм современной лингвистической науки, таких, как когнитология и лингвокультурология, позволяющих вскрыть и системно представить языковой и концептуальный срезы аксиологической деятельности во всей ее полноте и разнообразии.

Переходя к оценочной деятельности как таковой, хотелось бы отметить произвольность действия аксиологических механизмов, обусловленную гетерогенностью природы оценки, а именно ее включенностью в рациональный и эмоциональный мир человека, который в своем комплексе не может быть подведен под общее логическое основание. При этом эмоциональный мир обладает как эксплицитной, так и скрытой динамикой, варьирующейся от языка к языку. Ситуативная компрессия эмоционального заряда определяет характер оценки, то приближая, то отдаляя ее от идеализированного аксиологического конструкта. Кроме того, присутствие «рацио» на эмоциональном уровне влияет на распознавание оценки в сфере действия прямой или косвенной референции. Рациональность в эмоциональном обрамлении значима как для прямой, так и для косвенной оценки, где последняя смыкается с так называемой непрямой (косвенной) референцией, которая, фигурально выражаясь, «похожа скорее на навесной, консольный мост над пропастью, наращиваемый в неизвестность, к невидимой

цели...» [Кузнецов 2001:224]. Отсутствие же рационального «зерна» как основания оценки не предполагает ее косвенных проявлений. В рамках данной статьи нами делается попытка взглянуть на оценку сквозь призму языка для того, чтобы выявить системообразующие параметры аксиологического познания, которое формируется в ходе прикладной деятельности человека по освоению действительности и находится под динамическим влиянием эмоциональности, и тем самым раздвинуть границы восприятия оценки как таковой, «укрупнив» объект исследования.

Прямая оценка понимается как продукт аксиологической деятельности, идущей от действительности к языку, она эмпирически обоснована и валидна, но, несмотря на это, имеет формы трехпространственной фиксации: «действительность – объективное – субъективное»

Косвенная оценка также является итогом оценочной деятельности, но точкой отсчета для нее может служить либо язык, либо сам представитель того или иного лингвокультурного сообщества, при этом оценка неизменно опосредуется сложившимися стереотипами восприятия фактов из мира «Материальное» и «Идеальное» Язык как посредник между сознанием и действительностью, с одной стороны, осуществляет фиксацию арте- и ментефактов, а с другой стороны – формирует аксиологические стереотипы, определяющие направление оценочной деятельности. Человек как представитель определенного лингвокультурного сообщества опирается на общекультурные сценарии оценочной деятельности и на аксиологические стереотипы, заданные языком, создавая их лично ориентированную проекцию в языковом сознании для облегчения процесса кодирования и декодирования информации. По словам Н.Д. Арутюновой, в этом же коренится причина того, что, «соглашаясь с качественной характеристикой того или другого объекта, люди могут расходиться в его оценке, и ни один из них при этом не вступает в противоречие с самим собой» [Арутюнова 1999:167]. Это индивидуальное приращение, трансформация смыслов высказывания объясняется той или иной точкой отсчета в сознании говорящего и слушающего, характеризующей их «Я», которое всегда индивидуально и по форме и по содержанию вербалики [Шаховский, Жура 2002:38].

Косвенные оценочные проявления в свою очередь неоднородны в силу того, что основа-

ния для их формирования характеризуются онтологической разноплановостью. В этой связи считаем целесообразным привести в качестве примера два кардинально различающихся случая косвенной оценочности в языке, а именно выражение упрека, т. е. косвенного осуждения, возникающего в виде конкретного модального оттенка и воспринимаемого в контексте коммуникативной ситуации, и наличие собственно оценочных инструментов языка (например, увеличительность, уменьшительность и т. п.), которые служат не только средством для эксплицирования позиции субъекта, но и привносят дополнительные модальные нюансы позитивной или негативной динамики в общую положительную или отрицательную ситуативную канву. По сути, косвенность и того и другого определяется тем, что оценка действительности в ситуации упрека опосредуется говорящим, обладающим коллективными и индивидуальными стереотипными представлениями о стратегиях поведения в данном социуме, а оценка действительности в момент концептуальной актуализации значений увеличительности, уменьшительности и т. п. задействует механизмы языкового сознания, обладающие конкретной выраженностью в языке, что ведет к усилению сигнификативного наполнения высказывания за счет привнесения различных модальных оттенков от «любви» до «ненависти». Оценочный базис упомянутых разностатусных языковых явлений не подвергается сомнению, поскольку аксиологичность упрека проверяется при соотнесении стереотипов языкового сознания носителей той или иной когнитивной базы с действительностью, что наделяет последнюю прескриптивными полномочиями по нормированию и регулированию поведенческой практики. Оценочность образований со значениями уменьшительности, увеличительности и т. п. имеет языковую природу и служит для усиления результата аксиологической деятельности за счет наложения на него своеобразной комплементарной модальной сетки, возникающей в ходе актуализации в языковом сознании говорящего точек эмоционально-оценочного напряжения. Здесь вступают в силу механизмы собственно языковой оценки. Косвенность достигается в обоих случаях путем опосредованного представления аксиологического итога. Ср. порицание – упрек, размер – отношение к размеру.

Вместе с тем разделение на прямую и кос-

венную оценку несколько условно, но закономерно, т. к. когнитивные усилия, затраченные на создание аксиологического сообщения, несоизмеримо больше в случае косвенной оценки, которая «приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину «мира идей и страстей» путем создания ее языковой картины, воспринимаемой за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» [Телия 1988: 173]. Тем не менее, этот многоликий «мир идей и страстей» одинаково полно представлен в сфере прямой и косвенной аксиологии в силу разнохарактерности эмоциональной составляющей. Мы придерживаемся точки зрения о том, что эмоциональная компонента пронизывает рациональную ткань языка, регулируя процесс выражения мыслительного содержания высказывания. Источником любого познания являются эмоционально-чувственные ощущения и впечатления, подвергаемые далее языковой обработке в соответствии с концептуальными установками языкового сознания представителей разных социумов.

Разрабатывая методологические основы эмоциональности в лингвистическом аспекте, исследователи постоянно сталкиваются с проблемой категоризации эмоционального опыта как на уровне *lingua mentalis* (языка мысли), так и в содержательных структурах языковых единиц. При этом просматриваются такие направления конструктивной классификационной деятельности лингвистов, как изучение проблемы фиксации и трансляции эмоционально-чувственного опыта исходя из базовых установок коллективной, социумно ориентированной когнитивной базы со своей вербаликой и индивидуальной когнитивной базы с дополнительными возможностями интенсификации высказывания за счет комплементарных эмоциональных приращений. Этот аспект эмоциональности рассматривается экстралингвистикой языковых единиц. В интралингвистическом преломлении актуализация чувственной составляющей ситуативна в силу так называемого «гетерогенного, диффузного, кластерно-шифтерного» характера самих эмоций [Шаховский, Жура 2002: 45] и в силу разнообразных способов их материализации в языке.

Как уже отмечалось выше, познание дей-

ствительности начинается с ощущений, впечатлений, переживаний, т. е. с ее восприятия в эмоционально-чувственном плане. В связи с этим можно выделить *эмоциональность-стимул* как сырье для дальнейшей мыслительной обработки информации, в результате которой в идеале происходит рационально-мыслительная интерпретация эмоциональной валидности этого полуфабриката и последующее «спаивание» рационального и эмоционального моментов. Другими словами, мир мысли выступает в качестве посредника между миром страстей и действительностью и одновременно является фильтром сознания, сформированным на основе ценностных ориентиров человека и отражающим его многогранный чувственно-интеллектуальный ментальный архив. В итоге происходит прямая оценочная вербализация мыслительного содержания, которая представляет собой когнитивную оценку в чистом виде без каких-либо явных эмоциональных «примесей». Например, так рождаются высказывания типа: «*Это яблоко спелое, сочное, ароматное и хрусткое*, или «*Эта теория сомнительна*» и др. Однако эмоциональный заряд может быть настолько силен и эмоциогенен, что требует своего сиюминутного материального воплощения в виде экспрессивной маркированности языкового поведения индивида, поскольку мысль не успевает облачить этот эмоциональный стимул в рациональные формы. В данном случае мы имеем дело с *явной эмоциональностью*. Вместе с тем нами не оспаривается утверждение о том, что эмоции имеют двойственную природу, которая «заключает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания» [Рубинштейн 1984: 156]. Типичными примерами собственно эмоциональности могут служить такие высказывания, как «*Вы настоящий талант!*» или «*Какой ты, однако, мерзавец, Гришка!*». Промежуточные случаи вербализации эмоциональной компоненты невозможно четко структурировать, т. к. их специфика и соответственно аффективно-интеллектуальный статус зависят от «удельного веса» эмоциональности. Именно в это измерение попадают косвенно-оценочные проявления, поскольку они требуют наибольших когнитивных усилий как со стороны социума, так и с позиций его отдельного представителя.

Эмоциональный заряд проходит многоступенчатую рациональную обработку и тщательно вуалируется с целью создания скрытого эмоционального напряжения и интенсификации

мыслительных механизмов декодирования сообщения в сознании адресата, который неизменно достраивает смысловое наполнение высказывания, переводя скрытую эмоциогенность в продукт аксиологической интерпретации. Этот вид латентной (скрытой) эмоциональности хранится в «недрах» языка и контролирует проявление / не проявление первичных эмоций, а именно удовольствие / неудовольствие, гнев, отчаяние, возмущение, удивление и т. п. Причем каждый конкретный язык в разной степени «облачен» как в прямую, так и в скрытую эмоциональность, что показательно при анализе базовых чувственно ориентированных концептов *'serdce'*, *'душа'*, *'Herz'*, *'heart'*, *'Seele'*, *'soul'*, *'spirit'*, *'Geist'*, локализующих аффективный мир человека и выявляющих саму природу чувственного познания действительности. По мнению А. Вежбицкой, «сердце представляет собой внутреннюю и невидимую часть тела, оно обычно рассматривается как средоточие эмоционального опыта, а не как орган выражения эмоций» [Вежбицкая 1999: 540]. Указанные концепты принимают участие в сфере эмоций и восприятия, хотя и не в равной мере. К примеру, *'Herz'* присущи нежность, чувствительность, сентиментальность – то, что культивируется в англоязычной среде в меньшей степени. «Сдержанность, стремление не показывать свои чувства окружающим – вот качества, которые воспитываются англоязычной культурой» [Яковенко 1999: 41]. Если для *'heart'* и *'spirit'* более характерен порыв вперед, к достижению каких-либо целей, то для *'Herz'* и *'Geist'* – стремление к возвышенному, к Богу, к небу. Возможно, представители английской и немецкой культуры действуют по принципу, высказанному еще Л. Витгенштейном: если нельзя нечто точно сформулировать, то об этом лучше молчать («Was sich sagen läßt, läßt sich klar sagen, und worüber man nicht sprechen kann, darüber muß man schweigen»). Эмоциональный лаконизм в западной культуре подчеркивается и К. Поппером: «Wer's nicht einfach und klar sagen kann, der soll schweigen und weiterarbeiten, bis er's klar sagen kann» (цит. по [Демьянков 2001: 316]). Русские сочетания, затрагивающие сердце, также показательны в качестве иллюстраций того же самого отношения к эмоциям: дать им полную власть, никак не пытаясь их контролировать.

Подводя итог анализа прагматического содержания собственно оценочных концептов, проливающих свет на национальную специфи-

ку эмоциональности, можно констатировать наличие трех разнохарактерных, но не диаметрально противоположных коммуникативных стратегий эмоционального плана. Так, английская сдержанность, немецкий порыв вперед, напор и натиск и в то же время маркированная чувствительность, русская свобода эмоционального представления действительности определяют разную степень встречаемости в языке прямых и косвенных оценочных десигнаций. Не удивительно, что сама теория речевых актов возникла в русле английского языкознания, поскольку случаи косвенной отсылки или референции входят в предписанные стратегии коммуникативного поведения представителей английской культуры и являются неотъемлемой частью всевозможных когнитивных фреймов и соответствующих коммуникативных ситуаций. При этом английская косвенность присутствует в языке а priori в отличие от русской и даже немецкой.

Следует отметить, что, несмотря на некоторую структурированность высказываний с косвенно оценочным наполнением (особенно в английском языке), их расшифровка не имеет прескриптивной направленности из-за превалирования прагматики сообщения и зависит от личностного восприятия его адресатом. Если рассматривать эмоциональность как индикатор прямой и косвенной оценочности, то закономерен вывод о том, что косвенность неизменно предполагает скрытую эмоциональность и эмоциогенность, а последние, в свою очередь, служат возникновению косвенной референции.

Как отмечалось выше, процесс и результат аксиологического познания не могут быть вписаны в единую схематизированную макро-модель или ряд микромоделей. Тем не менее, представляется маловероятным полное отсутствие каких бы то ни было возможностей для их рубрикации и категоризации. В рамках данной статьи за основную классификационную единицу принимаем понятие прототипа, которое представляет собой некий концептуальный инвариант, обеспечивающий системность когнитивно-семантического континуума и отвечающий за аккумуляцию наиболее типичных черт фактов ментального и вербального лексикона. Таким образом, прототипический подход основывается на том, что «в любом естественном языке проводится меньше различий, чем в окружающем нас мире» [Кубрякова 1997: 91]. Прототипическая модель аксиологического познания,

будучи комплементарной аналогичной модели эпистемического познания, находится на более высоком уровне абстракции, поскольку активизирует сложные аддитивные когнитивные механизмы, отвечающие за синтез менталики и вербалики, который в первую очередь ориентирован на конечный продукт когниции. Термин «модель», вслед за Ч. Филлмором, можно использовать, когда «разумеет точку зрения конкретного человека на мир или то представление о мире, которое строит интерпретатор в процессе интерпретации текста» (цит. по [Баранов 2001: 19]). Сложность реконструкции прототипической модели аксиологического познания проистекает и из того факта, что оценочный прототип в отличие от собственно эпистемических прототипов ближе к понятию «концепт», т. к. он не только логически осмысливается, но и переживается, приближаясь тем самым к так называемой автономной сфере бытия, культуре, развивающейся по своим собственным имманентным законам самоорганизующейся информационной системы [Арутюнова, Кубрякова 2001: 31].

Учитывая гетерогенность и слабую структурированность прототипической модели оценки в целом, а также ее экстра- и интракогнитивную направленность, считаем необходимым разграничить в ней базовые конфигурации, определяемые прямой или косвенной отсылкой к действительности и позволяющие десигнировать их в терминах «прототипическая модель прямой оценки» и «прототипическая модель косвенной оценки». Обе модели предполагают двуслойность в общекультурном аспекте, т. е. в их внутреннюю форму вписаны типичные для той или иной культуры образы рационального и эмоционального в контексте аксиологического осмысления бытия. Характерно, что эмоциональность прототипической модели прямой оценки являет собой феномен *явной эмоциональности*, простирающейся на экстралингвистическом уровне языковых единиц и представляющей собой результат аксиологического познания, и феномен *эмоциональности-стимула* как скрытой причины, которая определяет разновекторные движения эмоциональных смыслов и, как следствие, ведет к собственно эмоциональному, эмоционально-интеллектуальному (термин в [Кошель 1980]) или сугубо рациональному аксиологическому продукту. Так, в русской языковой картине

мира прослеживается тенденция к превалированию явной эмоциональности в силу включенности сферы эмоций и чувств в ценностную канву ментального мира носителя русского языка, что и детерминирует «щедрую» языковую выраженность прагматики эмоционально-аффективных смыслов. Европейская ментальность диктует свои законы организации экстралингвистического пространства высказывания. В английской и немецкой языковых картинах мира давит стереотип наличия тесной связи эмоциональных и рациональных концептов, что неизменно в той или иной степени облачает эмоциональность в рациональные формы и не позволяет страстям взять верх над миром идей.

Специфика прототипической модели прямой оценки обуславливает своеобразие стереотипной антиципации признаков косвенной референции. В ментальном мире носителей английского языка косвенная оценка ассоциируется со *скрытой эмоциогенностью*, которая создает внутреннее напряжение сигнификативного наполнения высказывания, но подавляется нормами социального поведения, проявляющимися в максимумах вежливости и в маркированной ориентации английского языка на адресата. Этим и объясняется преобладание иллюкутивной стратегии преуменьшения в английской культуре над стратегией преувеличения, характерной, например, для русского этносоциума. Английский язык, таким образом, можно назвать языком намеков и недосказанностей, которым приписывается ценность со знаком плюс в отличие от менталитета носителей русского языка. Немецкая аксиологическая косвенность проистекает из таких особенностей национального характера, как одновременно склонность к чувствительности и эмоциональной сдержанности, следствием которых является последовательное проявление эмоционального такта во всех сферах жизни данного этноса. Другими словами, немецкая эмоциональность косвенных суждений, контролируемая фильтрами языкового сознания, в равной степени подвержена как скрытым, так и явным проявлениям, последние из которых находят не столь интенсивно выраженные аффективные и компрессированно-эмоциональные репрезентации в языке.

Однако рассмотренные выше прототипические признаки прямой и косвенной оценки не могут считаться универсальными даже в рамках одного лингвокультурного сообщества, поскольку каждая отдельно взятая языковая лич-

ность демонстрирует свое индивидуальное видение мира, погруженное в контекст собственных аксиологических размышлений. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ментальный мир человека не в состоянии полностью адаптироваться к динамично изменяющимся содер-

жательным моделям аксиологического познания, которые последовательно указывают на онтологическую разнородность феномена оценки и вместе с тем находятся в тесном взаимодействии с механизмами эпистемического освоения действительности через призму языка.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 3-10.
2. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Арутюнова, Кубрякова 2001 – Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 9-34.
4. Баранов 2001 – Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
5. Вежбицкая 1997 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405 с.
6. Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / Под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
7. Демьянков 2001 – Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-324.
8. Кошель 1980 – Кошель Г.Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке (на материале дерогативных наименований лица): Автореф. ... кандидата филол. наук. – М., 1980. – 25 с.
9. Красных 2001 – Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
10. Красных 2002 – Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
11. Кубрякова 1997 – Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 326 с.
12. Кузнецов 2001 – Кузнецов В.Ю. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 217-224.
13. Рубинштейн 1984 – Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984. – С. 125-173.
14. Телия 1988 – Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – 204 с.
15. Шаховский, Жура 2002 – Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания, №5. – С. 38-56.
16. Яковенко 1999 – Яковенко Е.Б. Сердце, душа, дух в английской и немецкой языковых картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 39-51.